

Идеи и смыслы

КАМЕНСКАЯ Галина Валентиновна — д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (117997, Россия, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23; stp@imeto.ru)

СОЛОВЬЕВ Эдуард Геннадьевич — к.полит.н., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (117997, Россия, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23; solovyev@imeto.ru)

СМИРНОВ Алексей Николаевич — к.полит.н., старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (117997, Россия, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23; stp@imeto.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КРИЗИС ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ?

Аннотация. В последнее время и в России, и за рубежом довольно много говорится о кризисе идеологий как политическом феномене, о постепенном переходе от «универсальных» идеологий к «молекулярным», о конце эпохи «больших нарративов», о выходе на политическую арену новых идеологических течений. Одновременно существенное внимание уделяется роли и месту идеологий в мировой политике. В рамках круглого стола был рассмотрен ряд наиболее актуальных вопросов, связанных с эволюцией идеологий и трансформацией их места и роли в политике и современных международных отношениях.

Ключевые слова: идеология, либерализм, консерватизм, лейборизм, социал-демократизм, национализм, исламизм, альтернативные идеологии

В Институте мировой экономики и международных отношений прошел круглый стол «Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции?». В рамках круглого стола обсуждался вопрос о том, в чем суть феномена «заката идеологий», наблюдаемого в политике развитых стран, и является ли данная тенденция эпизодом в развитии их политических систем или проявлением более глубоких политических феноменов и долговременных тенденций. В дискуссии приняли участие научные сотрудники ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, ИСПИ РАН, МГУ, представители МИД РФ. В их числе д.и.н., проф., г.н.с. **К.С. Гаджиев**, д.полит.н., в.н.с. зав.сектором **И.С. Семенов**, д.полит.н., в.н.с. **Г.В. Каменская**, к.полит.н., в.н.с. **И.Л. Прохоренко**, к.полит.н., с.н.с. **Н.П. Бродская**, д.полит.н., с.н.с. **Д.В. Гудименко**, к.полит.н., зав.сектором **Н.В. Работяжев**, к.полит.н., с.н.с. **Т.Л. Ровинская**, к.полит.н., с.н.с. **А.Н. Смирнов**, к.полит.н., зав.сектором **Э.Г. Соловьев**, к.полит.н., с.н.с. **А.Э. Яшлавский** (все — ИМЭМО РАН), к.филос.н., в.н.с. Института Европы РАН **Е.В. Анянзева**, к.и.н., с.н.с. ИСПИ РАН **И.Н. Селезнев**, 2-й секретарь МИД России **Н.У. Ханалиев** и др.

В докладе **К.С. Гаджиева** была дана развернутая картина метаморфоз, претерпеваемых идеологиями в современном мире. Идеология в современном понимании этого термина возникла в Новое и Новейшее время, когда западной цивилизацией был осознан дуализм государства и гражданского общества. Плюрализм интересов, плюрализм источников власти, влияния и авторитета в обществе получает отражение в идеологических конструкциях.

К.С. Гаджиев обращается к опыту XX в., который был веком конфликтов и борьбы различных идеологий. Однако даже в условиях их фронтальной борьбы еще в начале 1960-х гг. была выдвинута концепция «конца идеологий» (Д. Белл). К.С. Гаджиев видит определенный парадокс в том, что возрождение и еще большее укрепление западных идеологий связано с консервативной волной 70-х–80-х гг. прошлого века. Консерваторы всегда выступали против идеологий и всяких политических теорий, с их точки зрения человек не может изменить органическое по своей природе общество. Представители консервативной волны, именуемые также неоконсерваторами, напротив, признавали идеологию совершенно необходимой

составляющей полноценной политики. Они взяли на вооружение идеи классического либерализма XIX в., которые фактически были закреплены в так называемом Вашингтонском консенсусе, послужившем идеологической основой западной модели глобализации.

После окончания двухполюсной модели миропорядка и распада СССР идея конца идеологий возникла снова. Ее провозвестником выступил Френсис Фукуяма. С его точки зрения, западный либерализм, западная либеральная демократия одержали полную и окончательную победу, так что в перспективе все развитие современного мира лежит на путях превращения в общество, основанное на либерализме. Параллельно развивается альтернативная концепция современного мира, разработанная Самуэлем Хантингтоном. Ее главный тезис состоял в формуле: «Запад против всего остального мира». Хантингтон провозглашал завершение века столкновения идеологий и наступление века столкновения цивилизаций. Профессор Гаджиев отмечает, что на самом деле речь идет о столкновении все тех же идеологий — западной либеральной демократии и политических мировоззрений, доминирующих в других частях мира.

Закрепившиеся в американском политическом истеблишменте «неоконсервативные» идеи Фукуямы, Хантингтона и неоконсерваторов создали теорию экспорта демократической революции, предполагающую использование любых, в т.ч. насильственных, средств распространения суррогатов западной демократии и основанных на них политических моделей. На деле «экспорт демократии» обернулся экспортом хаоса, перманентными конфликтами, разгулом терроризма и т.д. Однако, обращаясь к анализу процессов, К.С. Гаджиев отметил, что эти процессы претерпели существенную инверсию. Первоначально глобализация рассматривалась как западный проект, в ходе реализации которого суверенитет, государство, национальные интересы отойдут на задний план и возникнет единое мировое сообщество на основе западных ценностей. Однако дальнейший ход событий обнаружил другую сторону явления. Одним из результатов глобализации стал бурный рост ранее маргинальных идеологий — этнизма, регионализма, исламизма, фундаментализма и т.д. Все это особенно опасно в «едином» мире, лишенном общих ориентиров развития.

Э.Г. Соловьев отметил, что окончание «однополярного момента» в развитии мировой политики знаменует и окончание доминирования либеральной идеологии и соответствующих ей принципов политической организации в международном масштабе. В рамках четко проявившего себя к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как и 100, и 200 лет назад, пытались по-прежнему играть роль авангарда, проецирующего (в т.ч. принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократия) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление. Глобальный финансово-экономический кризис 2007–2010 гг. подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китай, Индия, Бразилия, Россия), у каждого из которых проявились свои сильные стороны и растущее региональное и глобальное влияние. Но главное — кризис наглядно продемонстрировал проблемы либеральной модели регулирования социально-экономических и политических процессов, Вашингтонский консенсус стал подвергаться эрозии. Очевидное противоречие сегодняшней переходной ситуации в мировой политике состоит в том, что однополярный момент уходит в прошлое, но нормы, сгенерированные в его недрах и способные дестабилизировать ситуацию в полицентричном мире (например, принципы ограниченного суверенитета, избирательной легитимности, практики интервенционизма и т.д.), остаются в силе и продолжают активно продвигаться группой стран Запада. В полицентричном мире будет существенно меньше либерализма и гораздо больше реализма.

В выступлении *Г.В. Каменской* акцентировалась необходимость изучения глубинных процессов, свидетельствующих о трансформации самих основ идеологических систем, сложившихся в период Модерна. На ее взгляд, наиболее адекватное и полное понимание смысла и направленности изменений, происходящих в

основах либеральной идеологии, дают отнюдь не программные документы партий, заявляющих о своей последовательной приверженности принципам либерализма, — слишком многие моменты в них определяются текущими политическими интересами. Одним из корректных методологических ходов здесь является обращение к идеям и концепциям, не только востребованным в академической среде, но и находящим заметный отклик в средствах массовой информации. В относительно недавнее время по различным каналам были широко растиражированы идеи конца истории Ф. Фукуямы, отвечавшие умонастроениям большей части американского истеблишмента в период после распада СССР, а затем — концепция конфликта цивилизаций С. Хантингтона. Среди имен, значимых для анализа идейных процессов, протекающих внутри современного либерализма, также следует назвать имя известного британского философа Дж. Грея. В конце декабря 2011 г. была опубликована его статья «Бесконечная одержимость несбывшимся». Основной тезис статьи состоял в отрицании идеи прогресса, названной Дж. Греем «мифом секуляризованного сознания» (*secular myth*). Обращаясь к предложенной Дж. Греем концепции плюрализма ценностей (именуемой также агональным либерализмом), Г.В. Каменская отмечает в ней полный разрыв связки свободы и развития, составлявшей смысловое ядро классической либеральной идеологии. Идея развития отрицается как несовместимая со свидетельствами исторического опыта, убеждающего нас в том, что увеличение эффективности социального управления, приращение научного знания или технической оснащенности всегда имеет своей оборотной стороной усиление потенциала разрушения и расширение практик террора. Свобода же в концепции плюрализма ценностей не имеет ничего общего с гуманистической программой освобождения человека — с идеей создания условий для максимально полного раскрытия его творческих возможностей. Она понимается как равное право на существование всех возможных традиционно сложившихся культур, социальных и политических институтов, режимов и государств.

Сделанные наблюдения позволяют говорить о масштабном сдвиге во всей либеральной парадигме. В своей отправной точке классический либерализм был устремлен к выводу человека из «естественного состояния», из состояния «войны всех против всех» к универсализации категорий общечеловеческого сознания. Агональный либерализм имеет противоположный вектор — консервации архаики, раздробления культур и обществ как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровне, а в итоге — провала в неоязычество, делегитимацию всех усилий по защите смысла и идеалов, общечеловеческих норм, дегуманизации человека. По итогам анализа идей британского философа делается вывод, что в современном мире политически востребованным оказывается то направление академической рефлексии, которое выступает фактическим антиподом классического либерализма и, шире, гуманизма как в его христианской, так и в светской ипостаси. По мнению Г.В. Каменской, это свидетельствует о глубокой мутации современного либерального сознания.

А.Н. Смирнов представил свое видение процессов, происходящих в идеологии европейского консерватизма. Автор констатировал существенные различия идейных установок, генерируемых консервативными партиями на Западе и Востоке Европы. Наиболее показательные различия наблюдаются в сфере семейной и гендерной политики, т.е. там, где идейно-политические установки наиболее тесно соприкасаются с моральными устоями конкретного общества. Консервативной идеологии крайне затруднительно противостоять прогрессистским идеям. По итогам бурных событий XX в. консерваторы сами признали парадигму социального прогресса и теперь, как минимум, вынуждены мириться с «вытекающими последствиями». Консерватизм как идеология был в буквальном смысле приватизирован многочисленными группами интересов и оказался перед жестким выбором: подчиниться мейнстриму, приняв прежде неприемлемые формы социальных взаимоотношений в качестве нормы, или, сохранив самоидентичность, сместиться в маргинальную часть политического спектра. И это явно не способствует идейному возрождению консерватизма.

Выступление *Н.В. Работяжева* было посвящено идеологической эволюции, переживаемой на современном этапе Лейбористской партией Великобритании (ЛПВ). Данная тема приобретает особую актуальность, учитывая, что ЛПВ выступает своеобразным зеркалом, отражающим процессы, происходящие в европейской социал-демократии с конца XX в. В рамках темы выступления Н.В. Работяжев рассмотрел феномен нового лейборизма, особенности концепта так называемого третьего пути, пролегающего между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом, знаменующего собой сочетание неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой. Кроме того, «новые лейбористы» придерживались концепции мультикультурализма и проводили крайне либеральную миграционную политику.

После поражения на парламентских выборах в 2010 г. ЛПВ отошла от идей нового лейборизма. Подобная коррекция выглядит вполне закономерной и естественной для оппозиционной партии. Находясь в оппозиции, Лейбористская партия выступает против политики жесткой экономии, проводимой коалиционным либерально-консервативным правительством Дэвида Кэмерона, ратует за увеличение государственных инвестиций, за более справедливую налоговую систему. Как полагает Н.В. Работяжев, ныне ЛПВ находится в процессе идейных исканий, но она, несомненно, не вернется ни к блэровскому «третьему пути», ни к лейборизму доблэровской эпохи. В связи с этим автор обращает внимание на появившееся в партии новое течение, именуемое синим лейборизмом. Сторонники этого течения выступают за включение в лейбористскую идеологию некоторых идей британских консерваторов. Они критикуют рыночную коммерциализацию межлических отношений, противопоставляют ей коммунитарные ценности. Вероятнее всего, Лейбористская партия в конечном итоге сформулирует некую синтетическую концепцию, сочетающую элементы разных внутрипартийных направлений, тон в которой будут задавать идеи «синего лейборизма».

Е.В. Аняшева, развивая тему идейного обеднения партийно-политической жизни современной Британии, отметила, что в преддверии парламентских выборов 2015 г. ни одна из ведущих политических партий страны не выдвигала так называемые большие идеи (*big ideas*). Одной из примет современности является глубокий идейный кризис, переживаемый основными участниками партийно-политического процесса. Партии заимствуют друг у друга не только идеи, но даже лозунги.

Действующий премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, заняв пост лидера консерваторов в 2005 г., предложил концепции «большого общества» (в противовес «большому государству») и «прогрессивного консерватизма». Однако использование их в качестве идейных установок тори быстро сошло на нет, а дискуссии в правительстве свелись к решению задач снижения государственного долга страны, уменьшения дефицита государственного бюджета и другим вполне техническим темам. Лейбористы, которые поставили задачу идейного обновления после отставки Г. Брауна, преемника Т. Блэра, и избрания на пост лидера партии Э. Милибэнда, «обкатывали» несколько идей, таких как «ответственный капитализм», «синий лейборизм», «лейборизм одной нации». Однако эти лозунги быстро исчезали как с сайта Лейбористской партии, так и из ее нарратива.

Помимо ведущих политических сил, все более активно действуют малые партии, подъем которых объясняется их протестным и антисистемным характером. Речь идет в первую очередь о гражданском национализме (в Шотландии) и о феномене Партии независимости Соединенного Королевства, выступающей за выход Британии из ЕС и против иммиграции. Она победила на выборах в Европарламент в мае 2014 г., обойдя консерваторов и лейбористов. При идеологическом вакууме происходит фрагментация политического поля, политические предпочтения граждан зависят от текущих общественно значимых событий, а не от их идейных установок или партийной лояльности.

Т.Л. Ровинская обратилась к проблеме формирования новой альтернативной идеологии, отражающей особенности развития информационного общества – киберлибертарианству, или новому либертарианству информационного общества. В рамках данной идеологии глобальное общественное пространство Интернета

противопоставляется тирании территориальных правительств. Отправной точкой идейного оформления киберлибертарианства послужила «Декларация независимости киберпространства», написанная в 1996 г. известным американским поэтом, прозаиком и политическим активистом Джоном Барлоу и констатировавшая вступление человечества в принципиально новую фазу развития общественных отношений. В киберпространстве, с точки зрения адептов новой идеологии, значительно ослабляется влияние основных свойств традиционных политических обществ. Главным постулатом киберлибертарианства является признание принципиальной неприкосновенности границ индивидуальной и экономической свободы, значительное расширение которых должно стать нормой в информационном обществе. Т.Л. Ровинская анализирует и общественно-политический феномен, известный как Международное пиратское движение. Оно объединяет пиратские партии в более чем 60 странах мира (первая подобная партия появилась в Швеции в 2006 г.). Пиратское движение выступило за свободный некоммерческий информационный обмен (обеспечивающий равенство доступа к информации), но осудило при этом коммерческое пиратство, т.е. воровство информационной продукции с целью ее последующего коммерческого использования без согласования с правообладателем. В дальнейшем философия «пиратов» вышла на политический уровень. Согласно официальной доктрине движения новейшие технические возможности (в первую очередь Интернет) должны быть использованы для формирования «прозрачного» государства, которое служит интересам гражданского общества. В качестве модели такой системы «пираты» предлагают один из вариантов «электронной демократии», под которой подразумевается усовершенствованная с помощью новейших информационно-сетевых технологий система демократических процедур принятия политических решений с максимально широким участием гражданского общества.

Выступление *И.С. Семененко* было посвящено национализму, его современным проявлениям и вопросам теоретического осмысления. Особое внимание было уделено гибриднему и многогранному характеру феномена, в силу чего невозможно рассматривать национализм исключительно в идеологическом ключе. Автор констатирует, что на сегодняшний день отсутствуют какие-либо концептуальные подходы, подводящие черту под продолжающейся дискуссией о природе национализма. Хотя это явление имеет достаточно продолжительную историю, есть факторы, которые сделали националистический дискурс особенно актуальным в современной повестке дня. Если в 1960-е и 1970-е гг. мы говорили о национализме бедных (национализм в основном проявлялся в обществах, борющихся за национальную государственность), то в 70-е гг. в Европе возник так называемый новый национализм, или неонационализм. В отличие от национализма «старого», классического, новый национализм проявляется в обществах с высоким уровнем экономического развития и с высоким уровнем развития институтов гражданского общества. В таком контексте национализм выступает одновременно и как идеология, сплачивающая сообщество, и как состояние общественного сознания, т.е. как нечто более широкое, нежели конкретная идеология, привязанная к политическому движению. Рассматривая феномен национализма, И.С. Семененко делает вывод о его гибридности. Современный национализм далеко не всегда означает борьбу за независимость, отделение, этническую мобилизацию. Но в значительной части Европы нынешние националистические идеи – это идеи выстраивания пространства социального взаимодействия, шотландский и каталонский примеры это очень хорошо доказывают.

Проблема еще и в том, что очень сильно изменилось само понятие нации. Если раньше национальное сплочение происходило на культурных основаниях, и поэтому национализм определялся как гражданский либо как этнический, то теперь такое деление представляется достаточно упрощенным. И.С. Семененко предлагает иную типологизацию, выделяя национализм инклюзивный (включающий) и национализм эксклюзивный, или исключаящий. Национализм следует оценивать в соответствии с его конкретными проявлениями. Требуют учета не только цели,

но и предлагаемые пути их решения, а также преломление идейно-политических установок на уровне социальной идентичности.

С анализом европейского регионализма и национализма выступила *И.Л. Прохоренко*. Наиболее пристальное внимание было уделено взаимодействию процессов европейской интеграции с тенденциями усиления регионального национализма. Региональные различия свойственны всем без исключения европейским странам. Если смотреть на эволюцию европейского национализма, то в политическом плане он эволюционирует от автономизма через фискальный национализм для богатых европейских регионов к сепаратизму. При этом региональные власти, субнациональные элиты могут выступать субъектами трансформации европейского политического пространства, и не просто изменять, а кардинальным образом трансформировать его. Одним из ключевых остается вопрос о том, завершено ли строительство гражданских наций в Европе. Происходящие в ЕС процессы ставят перед исследователем вопрос, содействует ли европейская интеграция децентрализации в государствах-членах. Если рассматривать эту проблему в категориях политического пространства, а политическое пространство понимать как политическую коммуникацию, то, создавая новые каналы политической коммуникации и неосознанно облегчая тем самым политическое взаимодействие между регионами и европейскими властями, европейская интеграция создает особые условия для расцвета регионального национализма.

Темой выступления *Д.В. Гудименко* стал феномен украинского национализма. Под украинским национализмом автор подразумевает не программные установки и политическую практику отдельных действующих на Украине организаций, а в целом идеологию украинской обособленности и исключительности. Автор анализирует исторический генезис феномена от культурно-просветительской, интеллектуальной, общественной деятельности к публично-политическим формам и далее — к революционно-террористической практике. В числе характерных приемов украинизации сознания выделяются: изобретение национальной традиции, противопоставление Украины и России, агрессивная языковая политика, предъявление исторических претензий, целенаправленное развитие комплекса «избранной травмы» и т.д. После распада Советского Союза в 1991 г. процесс отдаления Украины и России пошел все более стремительными темпами. Насаждение «украинства», ставшее частью государственной политики, сдерживалось лишь недостаточно высоким «градусом» национализма в самих властных структурах. Этот «недостаток» был устранен после «майданной революции» в феврале 2014 г.

А.Э. Яшлавский уделил внимание концепту исламизма, отметив при этом, что политическая составляющая всегда играла огромную роль в исламе, традиционно не имеющем четкого разделения на «Богово» и «кесарево». В этом смысле ислам изначально является «политической религией». По мнению автора, расцвет политического ислама, исламизма приходится на вторую половину XX в. — начало XXI в. Росту исламизма как современной мировой идеологии способствуют ярко проявившиеся процессы религиозного возрождения в исламском мире. Политический ислам — явление весьма многостороннее. Многообразие форм политического ислама затрудняет его однозначное определение. А.Э. Яшлавский выделяет собственно политический, а также миссионерский и джихадистский типы современного исламизма. Опасной тенденцией является возрастающая активность экстремистского крыла исламизма, особенно в форме салафитского джихадизма, враждебного не только по отношению к немусульманскому миру, к светски настроенным мусульманам, но и к другим, более умеренным по сравнению с экстремистами исламистам.

И.А. Селезнев посвятил свое выступление феномену политического ислама в жизни европейских обществ XXI в. Выступающий констатировал явный упадок, демонстрируемый всеми идеологиями европейского происхождения, претендующими на собственный универсальный проект. В этих условиях явным конкурентом им выступает идеология незападного происхождения — исламизм (политический ислам). Она способна составить эффективную конкуренцию консерватизму и «новым правым» в обращении к традиционализму, морализму и религиозному

фундаментализму, не уступает радикальным левым течениям в эгалитаризме и антибуржуазной социально-экономической проектности, а в тотальности и воле к разрушению готов поспорить с фашизмом (национал-социализмом). При таких «задатках» политический ислам становится «новым альтернативным стилем» с большими перспективами охвата различных социальных групп не только в странах традиционного распространения ислама, но и в Западной Европе и США. Как отмечает И.А. Селезнев, в последние годы политический ислам получает распространение среди асоциальных слоев западного общества. Подобную идейную экспансию в начале XX в. осуществляла коммунистическая идеология. Криминальную субкультуру и политический ислам роднит нигилизм по отношению к имеющемуся государству и праву и собственные нормативные представления, что создает почву не только для диалога, но и для партнерства между представителями преступного мира и радикального исламизма.

Н.У. Ханалиев рассмотрел актуальные проблемы политизации ислама на Северном Кавказе. По его мнению, экономические трудности, коррупция, наркомания, даже терроризм и другие пороки, поразившие регион, — это лишь вершина айсберга, внешние проявления, симптомы более глубокого системного кризиса общества, связанного с кризисом национальной идентичности, легитимности власти и самой государственности. По этой причине не всегда корректным представляется стремление объяснять все беды Северного Кавказа бедностью, безработицей и другими сугубо экономическими факторами. С распадом СССР и крахом коммунистической идеологии народы России оказались в условиях идеологического вакуума. Это, в свою очередь, подтолкнуло многих граждан независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности к поискам новых мировоззренческих ориентиров. Одной из альтернатив стал религиозный ответ на новые требования и вызовы времени. Актуальность данного ответа для Северного Кавказа связана с тем обстоятельством, что конфессиональные границы региона как геополитического пространства простираются в южном направлении далеко за пределы Российской Федерации — на Ближний и Средний Восток. Одним из важнейших направлений роста влияния ислама в мире, и особенно в странах Большого Ближнего Востока, стало выдвижение на авансцену разного рода возрожденческих и фундаменталистских движений, объединяемых под общим названием «политический ислам», или «исламизм». Исламизм, или политический ислам можно рассматривать как идеологию и практическую деятельность, ориентированные на создание условий для решения социальных, экономических, этнических, геополитических и иных проблем и противоречий мусульманского мира с использованием исламских норм. Ключевыми ценностями исламизма провозглашены социальная справедливость, защита морали, сохранение исламской культуры, восстановление силы и достоинства исламского мира, укрепление его мощи перед лицом внешних угроз, легитимность власти, эффективное и некоррупцированное управление обществом. Границы между умеренными и экстремистами порой весьма размыты и подвижны. Вместе с тем недифференцированный подход, ставящий знак равенства между исламизмом и радикализмом, явно редуцирует реальную картину.

Подводя итоги круглого стола, его участники отметили, что, несмотря на выход на передний план «молекулярных» (а не универсальных, как ранее) идеологий, идеологический фактор остается одним из важнейших в рамках мировых политических процессов, причем как на страновом, так и на глобальном уровне. И останется таковым на обозримую перспективу — современному человеку свойственно мыслить в категориях идеологических альтернатив. И хотя набор этих альтернатив со временем претерпевает определенные изменения, идеологии как феномен мира политики отнюдь не утрачивают своей актуальности — предсказания «конца идеологий» ни разу не оправдались в прошлом, не оправдаются они и в обозримом будущем.

KAMENSKAYA Galina Valentinovna, *Dr.Sci.(Pol.Sci.)*, *Leading Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997; stp@imemo.ru)*

SOLOVYEV Eduard Gennad'evich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, *Head of Section, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russian Federation, 117997; solovyev@imemo.ru)*

SMIRNOV Alexey Nikolaevich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, *Senior Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russian Federation, 117997; stp@imemo.ru)*

POLITICAL IDEOLOGIES IN THE MODERN WORLD: CRISIS OR THE NEXT STAGE OF EVOLUTION?

Abstract. Nowadays there are many debates about the crisis of ideologies as a political phenomenon. Many researchers underline the trends of gradual transition from universal ideologies to molecular ones, speak about the end of the era of big narratives and analyze appearance of new ideological movements on the political arena. At the same time considerable attention is paid to the role and place of ideology in world politics. The round table is dedicated to a number of the most actual issues related to the evolution of ideologies and transformation of their role in modern politics and international relations.

Keywords: ideology, liberalism, conservatism, laborism, social democracy, nationalism, Islamism, alternative ideology

УДК 930.85

ЯНКОВСКАЯ Галина Александровна – д.и.н., профессор кафедры Новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; yank64@yandex.ru)

ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК ЗРЕЛИЩЕ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье в сравнительном аспекте рассматриваются два групповых портрета российской политической элиты – работы И.Е. Репина и современных российских художников Ф. Богдалова и С. Калинина. Содержание и контекст создания двух полотен, написанных по случаю 100-летнего и 200-летнего юбилеев Государственного совета, анализируются с точки зрения концепции театра власти – как визуализация политических представлений и традиций политического символизма (имперского, современного российского и советского)

Ключевые слова: Государственный совет, образы власти в искусстве, И. Репин, Ф. Богдалов, С. Калинин, театр власти, политическая элита

Изобразительное искусство, помимо своих собственных приоритетов, нередко следует внехудожественным задачам – создает «горючее» для образов, приводящих в действие механизмы и бутафорию политической сцены. Изображения являются неотъемлемой частью церемоний, ритуалов и иных форм коммуникаций в политической сфере. И, что особенно важно, они эти действия фиксируют в зрительных имиджах, делают сферу политического доступной для визуального наблюдения, разглядывания, формируют в коллективной памяти устойчивые образы паттернов поведения, концептов идентичности [Вишленкова 2011], а также тех событий, которые либо скрыты от публики, либо как события прошлого могут восприниматься только опосредованно, без опыта непосредственного наблюдения. С помощью «картинки» создается видимость проникновения в закрытые пространства большой политики, которая словно выставляется на всеобщее обозрение.

Произведения искусства становятся объектом изучения потестарной имаголо-